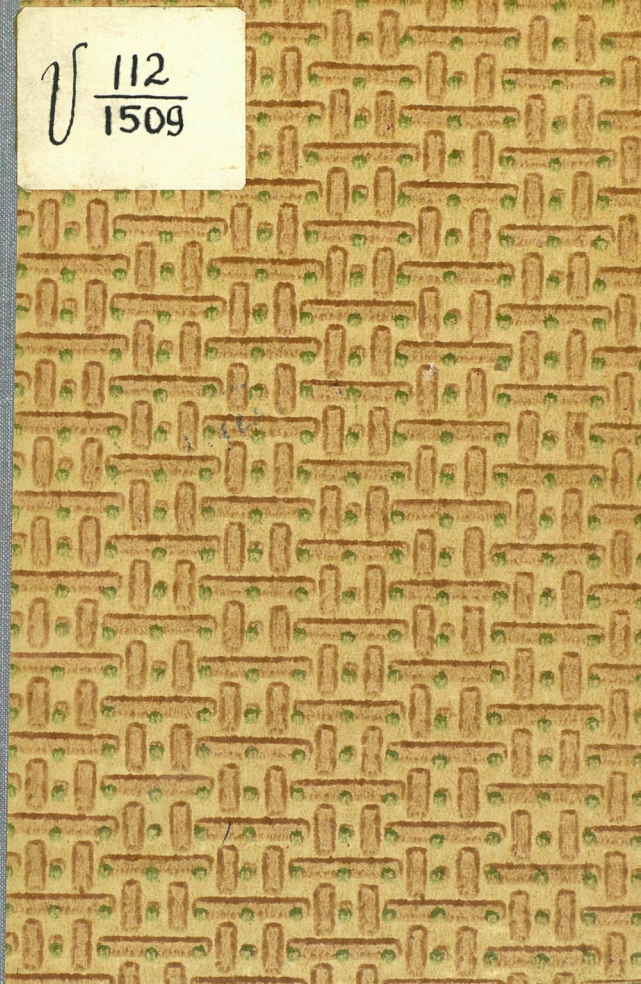

V $\frac{112}{1509}$

112
1509
Прот. Е. П. АКВИЛОНОВЪ.

**ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО—
ВЕЛИЧАЙШЕЕ ТОРЖЕСТВО**

НРАВСТВЕННОГО МИРОПОРЯДКА.

„Смерти празднуемъ умерщвление“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій пр., 8.
1910.

Прот. Е. П. АКВИЛОНОВЪ.

ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО—

ВЕЛИЧАЙШЕЕ ТОРЖЕСТВО

НРАВСТВЕННОГО МИРОПОРЯДКА.

„Смерти празднуемъ умерщвление“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. МЕРКУШЕВА. Невскій пр., 8.

1910.

Извлечено изъ журнала «Церковный Вѣстникъ», 1910 г.

2007041151

Воскресеніе Христова — величайшее торжество нравственнаго міропорядка.

„Смерти празднуемъ умерщвленіе“.

Не со вчерашняго дня начались въ родѣ человѣческомъ различныя «празднованія». Какъ ни печальна его жизнь, но и въ ней, сквозь густую толщу обиденной, съ ея суетой, заботами и скорбями, дѣйствительно-сти, по-временамъ просіявали лучи неземнаго свѣта, проливавшіе миръ и радость въ истомленную души. Хотя проклятый и отверженный Богомъ, «падшій», однако не былъ окончательно забытъ Имъ. Цѣлый рядъ религіозныхъ установленій, жертвъ и праздниковъ свидѣтельствовалъ подзаконному человѣку о приближающейся «кончинѣ лѣта», въ которой совершится его спасеніе. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея и языческій міръ, религіозныя церемоніи котораго имѣли символическое значеніе въ смыслѣ указаній на грядущее искупленіе. Кромѣ религіозныхъ, и тамъ и здѣсь было довольно еще и гражданскихъ праздниковъ, установленныхъ въ память различныхъ государственныхъ и общенародныхъ событій. Но быстро (таковы земныя радости!) протекали веселые дни, за которыми опять вступали въ свои права непроглядно-

сѣрыя будни. Заботы и скорби, борьба и, наконецъ, смерть,—вотъ обыкновенная стихія человѣческой жизни: «и гроби ихъ жилища ихъ во вѣкъ» (Пс. 48, 12). Послѣ всѣхъ суетъ-холодная могила,—вотъ общая для всѣхъ пристань.

«О, смерть», восклицаетъ премудрый», какъ горько воспоминаніе о тебѣ для человѣка!» (Сир. 41, 1). Она страшна въ смыслѣ печальнаго завершенія цѣлой жизни; но въ своемъ потрясающемъ ужасѣ предстанетъ предъ нами лишь въ томъ случаѣ, когда будемъ этимъ именемъ называть не одно прекращеніе, но и цѣлый процессъ послѣдней, происходящей въ неудержимомъ стремленіи къ роковой развязкѣ. Гдѣ вы, благородные дѣятели на пользу ближнихъ? Гдѣ возвышенные мыслители, рѣшавшіе загадки бытія? Что случилось съ гремѣвшими на весь міръ завоевателями? Куда исчезли когда-то величественныя царства и могущественные народы? Въ какихъ потаенныхъ мѣстахъ сокрылись плоды тысячелѣтней культуры? Подлинно, надъ всѣмъ пронеслась «истребительная метла» (Иса. 14, 23), и наши древніе предшественники,—какъ «положенные въ аду овцы» (Пс. 48, 15).....

Такъ, безъ «Праздника праздниковъ» всѣ другіе «обращались въ сѣтованіе» (Ам. 8, 10), къ несчастью, и донинѣ служащее удѣломъ многихъ, пока еще не оживленныхъ христіанствомъ, народовъ. И вотъ въ то самое время, какъ они остаются «не имущими упованія» (1 Сол. 4, 13), мы возглашаемъ побѣдную пѣснь, ибо «смерти празднуемъ умерщвленіе»,—полное, окончательное, вѣчное;—умерщвленіе не только въ концѣ нашего земного странствованія, но такъ же и въ цѣломъ его процессѣ и въ составляющихъ его моментахъ, потому что «нынѣ Христосъ воста отъ мертвыхъ, Начатокъ умершимъ бысть» (1 Кор. 15, 20).

«О, велія и священнѣйшая пасха!» Что бы оцѣнить

заключенныя въ тебѣ сокровища и хоть сколько-нибудь постигнуть твою «мудрость», для этого самимъ намъ необходимо, какъ можно рѣшительнѣе «отринуть мракъ земныхъ суетъ» и стать большими, если не великими, потому что, въ противномъ случаѣ, съ «неочищенными чувствіями» мы не узримъ твоего живоноснаго свѣта.

Погруженныя въ матеріальныя стихіи земнаго міра, мы рабски подчиняемся дѣйствующимъ въ нихъ законамъ. Насъ по рукамъ и по ногамъ сковала цѣпь чуть не роковой причинности, и кто изъ «просвѣщенныхъ» людей сомнѣвается въ ея всемогущество? Не даромъ исповѣдуемый многими, въ смыслѣ новой «религіи», современный моизмъ обращается, во имя и по велѣнію «Природы», съ такимъ увѣщаніемъ къ человѣку:

«Живи, какъ все живетъ! Мигучею волною
Плесни и—пропади въ пучинахъ вѣковыхъ,
И не дерзай вставать на буйный споръ со мною,
Предвѣчной матерью всѣхъ мертвыхъ и живыхъ!»

Къ счастью, неотразимо-яснымъ свидѣтельствомъ своего самосознанія мы убѣждаемся въ главенствѣ духовной сущности надъ матеріальною и въ постепенныхъ пріобрѣтеніяхъ культуры празднуемъ торжество духа надъ плотью. Къ еще большому счастью, неподкупная совесть возвѣщаетъ о безусловномъ превосходствѣ надъ всѣмъ «моральнаго» міропорядка. Въ качествѣ свидѣтелей добраго дѣла и, особенно, самоотверженнаго подвига, мы невольно переживаемъ сладостное волненіе; нравственное геройство приводитъ насъ въ необыкновенный восторгъ. Ни поразительныя проявленія ви́шней силы, ни чудеса знанія и ничто еще другое въ этомъ родѣ не въ состояніи производить подобное впечатлѣніе. Классическія произведенія литературнаго гения, правда, могутъ вызвать послѣднее, но только подъ однимъ непремѣннымъ

условіемъ: сильная трагедія заставляетъ трепетать въ насъ чувство возвышеннаго только тогда, когда свое содержаніе она заимствуетъ изъ сферы добра и зла. Если бы не существовало нравственнаго міропорядка, и если бы онъ не являлся возвышающимся надъ всѣми другими фактомъ, то никогда не возникло бы и самого драматическаго искусства, и ничего не было бы извѣстно, за исключеніемъ только «натурализма» и другихъ... «промышленныхъ» искусствъ.

Воскресеніе Христово и служить высочайшимъ оправданіемъ нравственнаго міропорядка. Вполнѣ естественно, что пытливый человѣческій умъ стремится понять тайну возвышенной теодицеи; но, «едва постигающіе и то, что находится на землѣ» (Прем. 9, 16), какъ можемъ отважиться мы на постиженіе величайшаго чуда, для котораго нѣтъ (и быть не можетъ) ни другихъ, ему равныхъ, чудесъ, ни, даже, близкихъ аналогій? Превращеніе личинки въ бабочку, періодическое наступленіе временъ года и т. п. примѣры не могутъ объяснить намъ тайну святой ночи, потому что ни личинка, ни солнце и ни что другое въ земныхъ существахъ не служитъ откровеніемъ разсматриваемаго міропорядка. Чтобы не поколебаться въ немъ, для этого надо «всегда видѣть предъ собою Господа» (Ис. 15, 8) и въ Немъ—Всемогущаго Зиддителя всякихъ—и, особенно, нравственнаго—законовъ. Только при этомъ условіи и мы, подобно тѣмъ «израильскимъ мужамъ», повѣримъ апостольской проповѣди о Христѣ, Котораго «воскресилъ» Самъ «Богъ, расторгнувъ узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его» (Дѣя. 2, 24). Слѣдовательно, необходимо «вѣровать во свѣтъ, чтобы сдѣлаться его сынами» (Іоа. 12, 36) и, не смущаясь временными скорбями, уже здѣсь, на землѣ, предвкушать ожидающую насъ сладость на пиру вѣчной жизни. Нашъ духовный «отецъ, Авраамъ», за двѣ тысячи лѣтъ

впередъ, «увидѣлъ день» Христовъ «и возрадовался» (Иоа. 8, 56); на пятнадцать вѣковъ впередъ смотрѣль терпѣливый страдалецъ Иовъ и, среди тяжчайшихъ испытаній, исповѣдалъ вѣру въ «живого Искупителя» (Иов. 19, 25); за тысячу лѣтъ до Христовой пасхи «радовался» Давидъ освобожденію души своей изъ ада (Пс. 15, 10).. А сколько такихъ «радовавшихся» переселились въ лучшій міръ изъ мучениковъ, исповѣдниковъ и другихъ подвижниковъ хр. вѣры? Такъ, и совѣсть и примѣры свидѣтельствуя намъ объ окончательной побѣдѣ жизни надъ смертью, и развѣ только «мужъ безумень не познаетъ, и неразумивъ не разумѣтъ сихъ» (Пс. 91, 7). За то люди противоположнаго настроенія всегда будутъ почерпать въ Свѣтломъ Воскресеніи и радость и ободреніе для совершенія своего земного подвига. Въ одномъ «Христось воскресе» заключаются и глубочайшая мудрость умозрѣнія и высшая правда жизни. «Что есть истина»?—Не отвлеченное умничанье, а воплощенная во Христѣ Премудрость (1 Кор. 1, 24). Что такое жизнь?—«Борьба за существованіе... другихъ». Стоитъ ли жить? Да, стоить, ибо нельзя, безумно, грѣшно не вѣрить въ безусловное превосходство надъ всѣмъ нравственнаго закона, единымъ источникомъ котораго является Воскресшій Жизнодавецъ. Но это значить, другими словами,—что Воскресеніе Христова необыкновенно повышаетъ трудовую энергію, даетъ смѣсль и указываетъ цѣль всей жизни, миритъ съ ея превратностями и удостоверяетъ ея безконечную цѣнность, т. е., служить сильнѣйшимъ лѣкарствомъ отъ похвальной теперь болѣзни—«скуки жизни».

Теперь въ нашей свободной волѣ состоитъ избраніе одного изъ двухъ: или воспользоваться спасительнымъ средствомъ, или его отвергнуть и, въ послѣднемъ случаѣ, низринуться въ бездну отчаянія. Но да не будетъ среди насъ «сыновъ погибельныхъ», и «никтоже да ры-

даеть убожества: явися бо общее царство, никтоже да
убоится смерти, свободи бо насъ Спасова смерть». «О,
Пасха велія и священнѣйшая, Христе! О, Мудросте, и
Слове Божій и Сило! Подавай намъ истѣе Тебе прича-
щатитися въ невечернѣмъ дни царствія Твоего!»

8696-1
X

2007041151